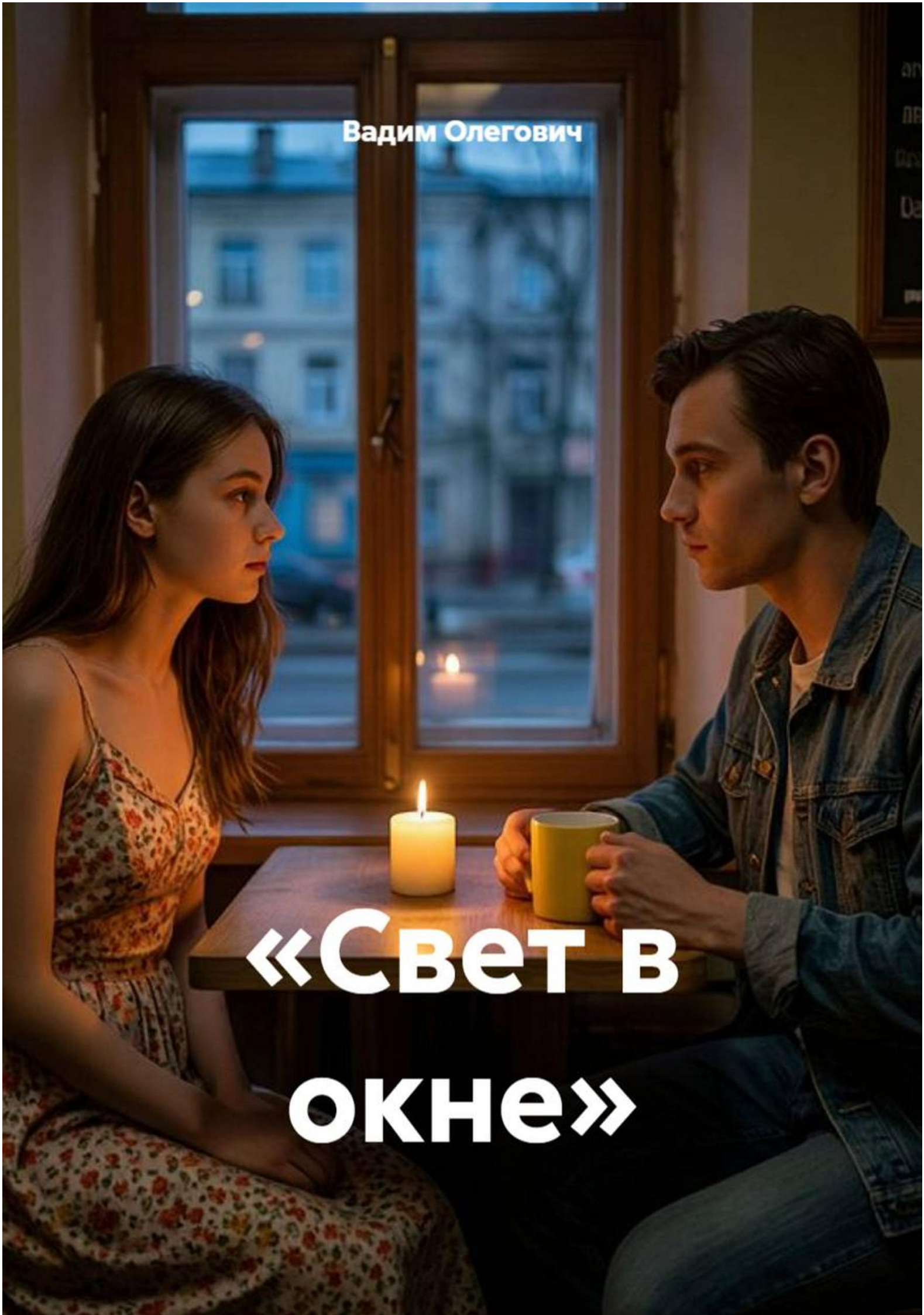
Вадим Олегович
«Свет в окне»

Вадим Олегович

«Свет в окне»

«Автор»
2026

Олегович В. В.

«Свет в окне» / В. В. Олегович — «Автор», 2026

Кира и Марк живут в домах напротив и полтора года незаметно наблюдают друг за другом: она зажигает на подоконнике свечу, он ставит жёлтую кружку, они оставляют записки на стёклах — и так, без слов, ведут самый честный разговор в своей жизни. Их «язык подоконников» рождается из мелочей и недосказанностей, из страха сделать первый шаг и из желания быть замеченными.Случайная встреча в книжном магазине, а затем — в шумном переходе метро, наконец сводит их лицом к лицу. Пятничный вечер, рассыпанные эскизы, ужасный кофе из автомата и долгие разговоры о самом главном помогают им понять: полтора года молчаливого внимания не были напрасными. Теперь им предстоит научиться говорить вслух — и строить отношения не через стекло, а рядом, плечом к плечу.Это история о терпении и смелости, о том, как простые знаки внимания становятся словами, а случайности — судьбой.

© Олегович В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 21:15 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Вадим Олегович «Свет в окне»

Глава 1. 21:15

Часть I. Два окна

Дождь начался ещё днём — мелкий, серый, равнодушный — и к вечеру не думал останавливаться. Он накрыл город сплошной пеленой шума: шуршал по крышам, шипел в водостоках, стекал по стёклам длинными дрожащими дорожками. Город носил этот дождь, как старое пальто — не снимал, потому что под ним уже ничего не осталось.Марк стоял у кухонного окна и смотрел, как на парковке внизу мигает аварийными огнями чья-то машина. Уже давно мигает. То ли десять минут, то ли полчаса — он не засекал. Время в последние полтора года вообще стало каким-то странным: оно не шло, а будто просачивалось сквозь пальцы — тонко, равномерно, как этот дождь.Часы над плитой показывали 21:07.Он знал это, даже не глядя. Тело само чувствовало приближение этого часа — кожей, чем-то за грудиной, лёгким напряжением в пальцах, которые уже будто сами тянулись к выключателю. Полтора года — достаточно, чтобы завести свои внутренние часы, и теперь каждый вечер он ждал этих пятнадцати минут девятого, как чего-то неизбежного.«Дурак», — подумал он и тут же усмехнулся собственным мыслям.Взрослый человек стоит у окна и ждёт, когда можно будет включить лампу.— Взрослый человек, — повторил он вслух, и голос в пустой кухне прозвучал так неожиданно, что Марк сам себе удивился.Он отошёл от окна, перебрал в раковине чашку — на дне остывал кофе, который он налил ещё в восемь вечера и так и не выпил, — и пошёл в комнату. Комната была большая и почему-то слишком светлая для человека, который живёт один: три окна, высокий потолок, диван, разобранный ещё в сентябре и с тех пор так и не собранный обратно. Разобранный диван казался честнее: он прямо говорил — здесь живёт один человек.Ему не было хорошо. Но диван не обязан был это знать.На столе тускло светился экран ноутбука — правки, открытый документ, чужой роман, который Марк вычитывал уже третью неделю. Хороший роман, кстати. Автор — женщина из Казани — писала про утренний рынок и рыбаков, и писала так, что у Марка сжималось сердце от зависти: вот же, вот так же просто — туман над рекой, старик чинит сеть, и всё это почему-то бьёт под рёбра. Марк ставил пометки, исправлял запятые, а сам всё время думал: почему у меня в голове столько тумана, а на бумаге из него не получается ничего.Часы на телефоне показывали 21:11.Он посмотрел на настольную лампу.Лампа была старая — керамическое основание цвета топлёного молока, тяжёлое, с трещиной, которую когда-то аккуратно починили латунной полоской, тёмный абажур с бахромой. Мамина. Из той жизни, которая была до всего: до первой квартиры, до свадьбы, до слов «может, нам лучше пожить отдельно», сказанных не в ссоре, а тихо, в машине, под гул двигателя, — и от этой тишины они были страшнее любого крика. Лампа досталась Марку при дележке вещей, и он уже и не помнил, хотел ли он её, или она просто оказалась у него, как оказываются вещи, которые никому особо не нужны, но и выбросить жалко.Где-то в начале октября позапрошлого года — он помнил это с какой-то нелепой точностью — Марк заметил за собой одну вещь. Вечером, когда в комнате темнело, он не мог заставить себя вставать и включать верхний свет. Верхний свет был слишком честным: он выхватывал из темноты пустую квартиру, одиночный ужин, всю геометрию его жизни — смотри, вот она, рассмотри. А лампа оставляла половину комнаты в приятной полутьме, в которой можно было ничего не решать.И где-то тогда же он и завёл этот ритуал — включать её ровно в 21:15. Не потому что

в это время что-то случилось. Он и сам не знал, откуда взялись эти пятнадцать минут девятого. Может, потому что в 21:15 в его прежней жизни обычно заканчивался ужин, и Настя вставала мыть посуду, и по квартире разносился её лёгкий перестук — чашка, тарелка, ложка — самый уютный звук на свете, который, живя с ней, он вообще не слышал, а сейчас слышал каждый день, в голове, с раздражающей отчётливостью. А может, просто 21:15 — это время, после которого день официально разрешает тебе сдаваться.Часы показывали 21:14.Марк сел в кресло у окна. Рука привычно потянулась к пачке на столе — не за сигаретой, он бросил год назад, и пачка давно была пустая, но жест остался: рука тянулась, натыкалась на пустоту, возвращалась обратно. Он положил ладонь на подлокотник.За окном внизу всё ещё мигала аварийка. Равнодушно, по-своему. Кто-то стоял рядом с машиной и говорил по телефону — Марк видел его смутно, в оранжевом круге фонаря: молодой парень, заложив руки за голову, ходил по мокрому асфальту туда-сюда, как ходят люди, которым нельзя злиться вслух.21:15.Марк встал, пересёк комнату — три шага, путь, который его ноги прошли, наверно, тысячу раз, — и щёлкнул выключателем.Лампа зажглась. Тёплый жёлтый свет лёг на стол, на корешки книг, на ободок чашки. В остальной квартире остались сумерки — и в этой половине темноты, как всегда, было почти хорошо. Почти как будто кто-то рядом и вот-вот выйдет из кухни, и надо будет спросить: «Чаю будешь?»Марк постоял немного, глядя на свет, который сам же и зажёг. Потом подошёл к окну — и увидел её.Нет, «увидел» — не то слово. Он заметил её давным-давно, недели за две до этого вечера, и с тех пор она стала частью его вечернего пейзажа, как фонарь на углу или башенные краны за кварталом, подсвеченные красными огнями. Напротив, через улицу — четыре полосы, газон с рыжей осенней травой, — стоял дом-близнец, такой же, как его: те же этажи, те же балконы, те же мокрые от дождя окна. Городская шутка: он жил в зеркале. Каждое утро его дом отражался в том, и тот — в его.И на третьем этаже того дома, в окне с чистым стеклом — единственном чистом, остальные были в разводах и потёках, — жил свет.Марк впервые обратил на него внимание в выходной. Встал рано — опять не выспался, опять к шести открыл глаза и понял, что день начался, — и, стоя на кухне с чайником, глянул в окно. И в окне напротив горел тёплый, почти как у него, свет. За стеклом двигался силуэт: женщина, растрёпанный пучок на макушке, что-то держала в руках — кружку, наверное, — и смотрела вниз, на улицу. Смотрела так, как не смотрят на пробки и парковки. Так смотрят, когда ждут от мира чего-то, чего он уже давно не приносит: извинений, например.Потом свет погас. Утро кончилось.А вечером — Марк это заметил не сразу, а только через неделю, и заметил с каким-то неловким всплеском в груди, похожим на стыд, — напротив загорелся свет в то же самое время. В его время. В 21:15.Сначала он решил, что это совпадение. У людей одинаковые вечера, всё логично: ужин, сериал, свет в гостиной. Потом заметил, что это происходит не каждый вечер, но часто — и всегда ровно: либо чуть раньше его, либо чуть позже, но в границах тех самых пятнадцати минут девятого часа. Словно где-то в этих двух домах жили два человека, у которых было одно и то же внутреннее расписание сдачи — и оба держались за него, как за поручень.Он никогда не думал о ней вслух. Вообще никогда не говорил о ней — кому, собственно? — но в голове у неё было имя, и имя это появилось само, без спроса: «та, что с окном». Не «девушка напротив», не «соседка» — «та, что с окном». Потому что сначала Марк видел только окно. Тёплый жёлтый прямоугольник в сером доме. Потом разглядел детали: она вставала к окну рано — всегда до того, как под окнами начинали собираться автобусы; у окна стоял стул, и на нём лежало что-то бледное, круглое — подушка? Вечером она приходила к стеклу, когда темнело, и стояла, убрав за уши волосы — он не видел лица на таком расстоянии, четыре полосы, семь этажей вниз и вверх, и всё-таки жест был узнаваем до щемящего: так убирают волосы, когда думают о ком-то, кому не решишься позвонить.Сегодня, 24-го октября, она подошла к окну ровно в тот момент, когда Марк щёлкнул лампой.И погасила свой свет.Марк даже не сразу понял, что произошло. Тёплый прямоугольник напротив потемнел, стал просто стеклом — мокрым, чёрным, с косыми полосами дождя. Марк стоял с

рукой ещё на выключателе и чувствовал что-то нелепое, почти детское: неловкость. Как будто его поймали. Как будто он делал что-то тайное — а он что, делал? Щёлкал лампой. Взрослый человек щёлкал лампой — и вдруг ему стало стыдно, как будто кто-то видел через улицу не свет, а его самого: этого тридцатичетырёхлетнего, в растянутой серой кофте, с остывшим кофе, с разобранным диваном, с лампой в 21:15 вместо человека.А потом окно напротив снова загорелось.Тот же тёплый жёлтый. Тот же прямоугольник. Словно она тоже стояла в тёмной комнате — секунду, две — и потом передумала.Марк замер.Он не знал, что это было. Отключённый свет, перегоревшая лампочка, спохватилась, выключила на кухне плиту — миллион бытовых объяснений. Но внутри у него было другое чувство, простое и несвоевременное, как почерк на открытке: будто его окну ответили. Не ей. Окну. Одному окну — другое. Взрослому человеку, редактору, человеку слова, который за день обрабатывает чужие сто тысяч знаков, было тридцать четыре года, и он стоял у окна, потеряв дар речи из-за того, что в окне напротив мигнул свет.— Ладно, — сказал он вслух. — Ладно.И вернулся к роману про рыбаков.Рыбаки не пошли. Он перечитал одну и ту же фразу про туман четыре раза, поправил запятую там, где она и так стояла правильно, и в 22:40 закрыл ноутбук. Кухня. Тёплая вода на дно чашки — он мыл кружку медленно, с наслаждением отложенности, как откладывают всё, что можно отложить, когда живёшь один: посуду, звонки, письма, жизнь. Из окна кухни было видно угол того дома — не её окно, окна здесь глядели по диагонали, — но Марк поймал себя на том, что смотрит именно туда, где её окна не было видно, и всё равно смотрит.Настя уехала в мае позапрошлого года. Не «ушла», не «они разошлись» — уехала: сняла квартиру на другом конце города, перевезла книги и монстеру, оставила Марку кофемолку и права на вину. Это была не ссора, вот что важно; в ссорах есть жар, а у них всё давно было холодно и вежливо. «Ты хороший человек, Марк. Ты просто не здесь». — «Я где?» — спросил он тогда. И Настя посмотрела на него так, как смотрят на опоздавшего: без злости, устало. «Вот именно».Полтора года он учился быть один так, как учатся плавать на суше: верными движениями, идеально, никуда не двигаясь. Встал — работа — контейнер — правки — лампа. Суббота: рынок, пробежка, стирка. Он был доволен своим расписанием, как доволен человек, который держится на плаву: не нырять, не фланировать, не поднимать руки.Его мать звонила по воскресеньям и спрашивала: «Маркуш, ты хоть куда-нибудь ходишь?» — «Мам, у меня работа». — «Работа — это не ноги». Мама была старой закалки и верила, что одинокий мужчина без жены — это помещение без отопления: формально всё есть, а жить нельзя. Марк соглашался и не соглашался одновременно, и на этом противоречии жил спокойно, как живут на галсах.Он выключил свет на кухне и вернулся в комнату — к лампе. Остановился. Лампа горела. Он посмотрел на неё так, как смотрят на собаку, которая ждёт у двери: ну что, что будешь делать.— Ты глупая, — сказал он лампе. — Мы оба.И сел. И в 23:00 погасил её — впрочем, сначала посмотрел: окно напротив ещё горело. Погасло через минуту после его. Он не стал искать этому объяснений.Утром город был другим — как всегда после ночного дождя: вымытый, высокий, будто распрямившийся. Лужи лежали плоско и держали в себе перевёрнутые дома, и Марк, выходя из подъезда в 8:40, шагнул — привычно, не глядя, — мимо самой большой лужи, в которой проплывало его собственное отражение в пальто.Он работал в издательстве — двенадцатый этаж, просторный зал, шум кофеварок, гул клавиатур. Его место было у окна, и это его место он ненавидел и любил: оттуда было видно половину города, и в этой половине, где-то внизу и левее, стоял его дом. Иногда он ловил себя на том, что смотрит оттуда — сверху, с высоты двенадцатого этажа, — на свой панельный близнец, и пытается вычислить, которая из этих одинаковых секций — его, и которая — её. Не мог. Все окна были одинаковы, и в этом была какая-то честная подсказка о природе всего: на расстоянии все жизни выглядят одинаково.— Марк, ты мне завтра дашь вычитку? — Лена из редакции зависла над его столом, держа кружку двумя руками, как держат кружку от холода, хотя в зале было тепло. Лена вообще жила как будто на пять градусов ниже остальных: шарфы в сентябре, варежки в октябре, тёплый взгляд, которого хватало на

весь отдел.— Дам.— Ты вчера ушёл в десять.— Дедлайн.— У тебя дедлайны круглый год. — Она присела на угол его стола. — Марк. Ты ешь?Он поднял глаза.— Что?— Ешь. Еду. Хоть раз в день?— Лена.— Всё, всё, замолчала. — Она поднялась. — Просто рядом с тобой сидишь полгода, и у тебя постоянно вид человека, который ест один. Знаешь, какой это вид? Как лужа. Вся информация есть, а отражение — кривое.Она унесла кружку. Марк посмотрел ей вслед, потом в окно — там, внизу и левее, стоял его дом, и он вдруг подумал, с ясностью, которая приходит не к тем, кому нужна: а что, если она тоже живёт с лампой в 21:15? Что, если это не совпадение, а симптом? Два человека в двух окнах, которые каждый вечер в одно и то же время делают одну и ту же маленькую бессмыслицу, потому что больше нечего делать.Или не бессмыслицу.Он отогнал эту мысль — привычным жестом, как отгоняют назойливую мысль о человеке, которому нельзя написать, — и открыл вычитку. Рыбаки ждали.Вечером он заметил, что смотрит на часы.Не на часы работы — на часы вообще. Весь день, между правками, между звонками, между «Лена, а у нас там кто согласование ведёт?», где-то на периферии сознания шёл тихий, домашний, никому не нужный отсчёт: без десяти девять… пять девятого… 21:15.В 21:15 он был дома. Щёлкнул лампой.И — он потом будет разбирать этот момент, долго, в одиночестве, как разбирают неудачно сказанную фразу, — в тот же миг подошла к своему окну и она. С кружкой, как всегда. Встала. Поставила кружку на подоконник. И сделала то, чего не делала никогда: посмотрела прямо в его окно.Не «посмотрела в сторону дома». Посмотрела — в его окно. Туда, где он стоял, в тёмной комнате, в свете жёлтой лампы, — то есть, он понял это с опозданием, вздрогнув, — совершенно отчётливо видимый. Его окно светилось, как экран. За стеклом темнота, а его комната горела: человек в жёлтом круге, машина вокруг него, весь его вечер, разложенный на витрину.Марк отступил на шаг.Он не испугался. Он почувствовал что-то другое — то, что чувствуют, когда случайно видят своё отражение в чужом окне: внезапную, оглушающую наготу обыденности. Вот он. Вот его вечер. Вот вся его жизнь в радиусе одной лампы.Она смотрела секунды три. Потом медленно подняла руку — и Марк на мгновение, на одну бешеную секунду, решил, что она помашет, — но она просто поправила что-то у окна: передвинула кружку. Маленькое бледное пятнышко на подоконнике, вроде вазы. И ушла из окна.Свет остался.Марк стоял в центре своей жёлтой витрины и думал: а что, если она всё это время видит. Каждый вечер. Полтора года. Его лампу, его ритуал, его сдачу — всё, что он считал приватным, как дыхание во сне. Он вдруг увидел со стороны своё 21:15 — и ему стало не стыдно, а щемяще-жалко себя, и жалко её: два человека в двух окнах, которые каждый вечер честно, без свидетелей, как им казалось, зажигают маленький огонь против пустоты. А свидетели-то есть. Друг у друга.Он сел в кресло. Долго сидел. Потом подошёл к окну и — не отдавая себе отчёта, просто телом, как делал тысячу раз щелчок выключателя, — положил ладонь на холодное стекло.По ту сторону улицы, семь этажей ниже и четыре полосы воды и света, за мокрым стеклом, за комнатой с тёплым светом сидела женщина с кружкой. Они не знали друг друга. У них не было ни одного общего знакомого, ни одного общего места, ни одной общей минуты — только время: одно и то же, 21:15, каждый вечер, полтора года.— Ну, — сказал он тихо, стеклу. — Здравствуй.Слово осело на стекло. Снаружи шёл дождь, внизу мигала аварийкой чья-то починенная-непочиненная машина, город жил своими тысячами жизней, и в двух окнах напротив друг друга, как два циферблата, показывавшие одно и то же время, горел ровный, терпеливый, тёплый свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.